

УДК 94(470.6).084.5

Е. Н. Стрекалова

**«СТЕРЕТЬ С ЛИЦА ЗЕМЛИ ВРЕДИТЕЛЕЙ И ШПИОНОВ»:
СЕВЕРОКАВКАЗСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССОВ
«БОЛЬШОГО ТЕРРОРА»**

Статья посвящена одному из самых трагических периодов в истории нашей страны – «большому террору». Анализируются «вредительские» процессы 1930-ых гг. на Северном Кавказе на основе их отражение в региональной прессе за 1937г. Тема является весьма актуальной в отечественной и мировой историографии советского периода в истории России. Контент-анализ газет «Северо-Кавказский большевик» и «Орджоникидзевская правда» показал, что слова «враги» и «вредители» наиболее часто повторяющиеся как в заголовках, так и в содержании статей в 1937 г. Не было ни одной недели в 1937 г. без обнаружения аварий, крушений, отставаний по вине «враждебных элементов», «троцкистских саботажников», «классовых врагов». Выявлены прие-

мы воздействия на общественное сознание через освящение в прессе «вредительских процессов». Проанализировано сходство и отличие освещения в прессе громких общесоюзных и региональных процессов. Раскрыты устойчивые речевые практики их отражения на страницах прессы в целях манипулирования обществом. Применяются методологические приемы дискурсивного анализа текстов прессы в контексте влияния на массовое сознание. Показано значение печати для поддержки политического режима Сталина.

Ключевые слова: сталинизм, «большой террор», репрессии, Северный Кавказ, враги, вредители, интеллигенция, инженеры, управленцы, модернизация, общественное сознание, манипуляция, мифологизация.

Е. N. Strekalova

**“ERASE FROM THE PERSON OF THE GROUND OF PESTS AND SPIES”:
THE NORTH CAUCASIAN CHARACTERISTICS PROCESSES
OF “BIG TERROR”**

The article is devoted to one of the most tragic periods in the history of our country – “great terror”. The “harmful” processes of the 1930s in the North Caucasus are analyzed on the basis of their reflection in the regional press in 1937. The theme is very relevant in the national and world historiography of the Soviet period in the history of Russia. The content analysis of the Newspapers “North Caucasian Bolshevik” and “Ordzhonikidzevskaya Pravda” showed that the words “enemies” and “pests” most often repeated in the headlines and in the content of articles in 1937 there was not a single week in 1937 without detection of accidents, crashes, delays due to the fault of “hostile elements”, “Trotskyist saboteurs”, “class enemies”. The methods of influence

on public consciousness through the consecration of “harmful processes” in the press are revealed. The similarity and difference of the press coverage of high-profile all-Union and regional processes are analyzed. The stable speech practices of their reflection on the pages of the press in order to manipulate society are revealed. Methodological techniques of discourse analysis of press texts in the context of influence on mass consciousness are applied. The importance of the press to support Stalin’s political regime is shown.

Key words: Stalinism, “great terror”, repression, the North Caucasus, enemies, wreckers, intellectuals, engineers, managers, modernization, public consciousness, manipulation, mythologization.

Репрессии второй половины 1930-х гг. являются полем научных дискуссий и темой исключительной значимости, несмотря на то, что уже восемьдесят лет отделяют нас от трагических

событий «большого террора». Это обосновано, поскольку ракурс исследований смещается в сторону исторической психологии, социальной истории, истории повседневности, микро-

истории и исторической биографики ставя все больше вопрос о месте, роли, ответственности в репрессиях всего общества.

Антропологический ракурс разоблачений, арестов, обвинений по-иному позволяет поставить вопросы к эпохе. Феномен молчаливого вынужденного или осознанного одобрения наказания репрессированных заставляет под иным углом взглянуть на роль власти, высшего и среднего государственного и партийного руководства страны в раскручивании маховика репрессий. Именно в возможности проанализировать указанные процессы через региональную прессу 1930-х гг. и состоит цель настоящей работы, что позволит приблизиться к пониманию процессов формирования социальной базы сталинского режима. Выявление повторяемости и устойчивости речевых практик при анализе языка прессы «большого террора» также представляет особую значимость с позиции исторического дискурса [65].

Напомним, что пик репрессий сталинской эпохи пришелся именно на 1937–1938 гг. Одиозным наркомом внутренних дел этого периода стал Николай Ежов, сменивший обвиненного и впоследствии расстрелянного Генриха Ягоду. По отношению к этому времени закрепилось понятие «большого террора» после работы Р. Конквеста [16]. Трагические события «ежовщины» заняли прочное место сначала в коллективной памяти нашего общества и в литературной «оттепели» произведениями А. Рыбакова «Дети Арбата», А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и др., а с перестроечных времен и в научной историографии. Действительно, не смотря на XX съезд и развенчание культа личности Сталина, ранее Перестройки проблема изучения репрессий в научном плане не нашла практического отражения по понятным идеологическим причинам непогрешимости марксистско-ленинской теории. Гласность, на закате советской истории, позволила сначала публицистам, а затем и историкам приступить к масштабному изучению событий террора 1930-х гг. [6; 9; 15; 43; 63].

Постсоветская отечественная историография в рамках темы характеризуется изменением парадигмы не только изучения репрессий, но и самого феномена сталинизма, без чего не мыслимо понимание целей и механизмов государственного террора 1930-х годов. В. Роговин, О. Хлевнюк, И. Павлова, Г. Трукан, Е. Гимпельсон и др. на основе широкого круга архивных источников показали отношения тоталитарной власти и общества, механизмы «раскручивания» процессов над «врагами народа», при-

близились к пониманию причины репрессий через биографии личностей эпохи [10; 44; 46; 51; 64; 66; 67]. Подведение некоторых итогов изучения репрессивной политики 1930-х гг. в форме конференции уже в новом тысячелетии отражает остро дискуссионный характер проблемы и неутраченный интерес отечественных и зарубежных ученых [11; 46; 47]. Любопытен опыт анализа репрессий в партийной среде с позиции языка следственных дел, репрессивных дискурсивных практик, который представляет в своих работах И. Халфин [70].

При этом малоизученными остаются особенности репрессивной политики в регионах, в частности на Северном Кавказе. Исследователями выявлены отдельные аспекты причин и последствий репрессивных событий в крае, например, в отношении казачества, технической интеллигенции, дела нефтяников и Осоевяхима [1; 2, с. 63–70; 13, с. 64–73; 14; 18; 48, с. 55–60; 61, с. 94–108; 62, с. 133–139]. Однако проблема требует комплексного исследования. Многие события, особенности и последствия репрессивной политики 1930-х гг. до конца не осмыслены, в особенности с учетом влияния на массовое сознание.

В представленной работе мы обращаемся к специфике отражения репрессивных процессов на страницах газет «Северо-Кавказский большевик» и «Орджоникидзевская правда» за 1937 год: такие названия носила краевая газета. До марта 1937 г. она называлась «Северо-Кавказский большевик» и выходила в Пятигорске, который был центром Северо-Кавказского края включавшего все национальные республики региона и Ставрополье с 1934 по 1937 гг. Потом край переименовали по имени погибшего Серго Орджоникидзе, его центром стал город Ворошиловск (г. Ставрополь в 1935–1943 гг.), а краевой газетой стала «Орджоникидзевская правда» [17, с. 190–196; 19]. Газета сначала была органом Северо-Кавказского, а с марта 1937 г. Орджоникидзевского Крайкома ВКП(б).

При анализе источников учитывался комплексный, массовый и пропагандистский характер советской печати. Советское правительство уже 27 октября (9 ноября) 1917 г. инициировало «Декрет о печати», которым запрещались периодические издания, враждебные новой власти. Удивительно, но придя к власти на волне «свободы слова, собраний и печати» Декларации временного правительства 3 марта 1917 г. большевики сразу запретили эту свободу. В. И. Ленин называл оружие печати не менее опасным, чем бомбы и пуле-

меты. Периодические издания подвергались строгой проверке, цензуре. Появление цензуры после революции ученые связывают с положением о военной цензуре от 1918 г. и с созданием Главлита в 1922 г. Кроме того, в начале 1921 г. для усиления партийного влияния, для руководства, контроля и инструктирования органов печати был создан подотдел печати при агитационном пропагандистском Отделе ЦК РКП(б), с 1925 г. он стал отделом печати ЦК ВКП(б) [12, с. 29].

С формированием культа личности Сталина в целях поддержания политического режима пресса 1930-х годов все более превращается в средство манипулирования массовым сознанием. Согласно советской теории пресса должна была выполнять роль не только коллективного агитатора, но и организатора, являлась средством управления обществом. Поэтому не выдерживает никакой критике вывод советского источниковедения на основе идеологических штампов приписывающего печати роль «зеркала» исторической советской действительности, хотя и не лишённого тенденциозности в подаче материала. По образному выражению современного ученого Ю. П. Бокарева пресса тридцатых годов превратилась в «кривое зеркало» эпохи [45, с. 243].

Сравнительный анализ подачи материалов о громких всесоюзных вредительских процессах и региональных процессах о «подлом вредительском» подрыве советской экономики на Северном Кавказе, показал преследование прессой главной цели – добиться одобрения со стороны общества. Философ Н. И. Бердяев сказал, что коммунистическая система «не может жить без врага, без отрицательных чувств к этому врагу. И если врага нет, то врага нужно выдумать» [5, с. 150]. Власти было важно убедить общество в правоте обвинений, в наличии этого врага, подавить даже саму мысль о возможности сопротивления и этого добивались, в частности, и следующим образом.

Газета «Северо-Кавказский большевик» и «Орджоникидзевская правда» выходила 6 раз в неделю. В среднем в каждом третьем номере представлена информация о вредительских «вылазках врагов» стремящихся к разрушению СССР, советского строя и коммунистической партии. За 1937 г. вышло 302 номера газеты и в них выявлено более 800 заметок разного формата о вредительстве [42, с. 1]. Во время весенних и осенних полевых работ, предвыборной компании и выборов в Верховный совет СССР осенью 1937 г. «накал» вредительства на страницах газет ослабевал. От урожая

зависели результаты мобилизационного индустриального рывка. Зерно было практически единственным источником промышленной модернизации. Собственно, главной целью эпохи было построить «экономические основы социализма». В свою очередь первые выборы в Верховный совет СССР, согласно только принятой 5 декабря 1936 г. конституции, были призваны показать демократизм первого в мире социалистического государства. Эти темы несколько потеснили репрессии со страниц газет.

При этом практически не было ни одной недели в 1937 г. без обнаружения прорывов, отставаний по вине «враждебных элементов», «троцкистских саботажников», «классовых врагов». Заголовки констатировали знаменитый по абсурдности тезис Сталина о неизбежности обострения классовой борьбы в процессе социалистического строительства [51, с. 29]. Расставляя акценты заголовки уверяли читателя в «Откровенных вылазках врага», «Врагах народа в судебных органах», «Врагах в театре», «Врагах в санаториях», «Вредителях в консервной промышленности», «Вредительстве в финансовой сфере» и др. [20; 34; 52; 59]. Рассказывали о том «Как враг орудует в Петровском районе», о «Буржуазных националистах на железной дороге», «Националистической организации в Туркменском районе», «Право-троцкистской вредительской организации в Труновском районе», «Контрреволюционной организацией в Курсавском районе», «Диверсионно-вредительской контрреволюционной организации в краевой конторе Заготзерно» и др. [21; 24; 32; 37]. Призывали «Выкорчевать вражеские дела», «Поднять классовую бдительность», «Беспоощадно громить и корчевать троцкистско-правых шпионов» [27; 28; 30; 31; 36]. Смысловой контент-анализ показал, что слова «враги» и «вредители» наиболее часто повторяющиеся как в заголовках, так и в содержании статей газеты в 1937 году.

Кроме этого потока «прямого доказательства вылазок врага», наблюдаются заметки о подозрительных ситуациях с точки зрения власти, находящихся на грани вредительства. Такие заголовки как «Плоды политической слепоты», «Серьезные недостатки», «Пора приглядеться», «Все предоставлено самотеку», «Плоды вопиющей беспечности» и др. на первый взгляд могли говорить о любых недостатках в хозяйственной работе региона. Однако в тексте находим отсылки к врагам народа [29; 32; 35; 37]. Так, в заметке «Серьезные недостатки Черкесского обкома ВКП(б)» говорилось, что пропагандистская работа здесь крайне запу-

щена, все делается для торможения «политического роста коммунистов, комсомольцев и сопутствующих». И это не что иное, как явные признаки врагов народа «троцкистско – бухаринских банд и буржуазных националистов» которые стремятся разрушить партийно-просветительскую работу в Черкесском обкоме. Размытый намек о личном составе пропагандистов, о том что обком не интересовался и не проверял их работу, говорит о подозрении на вредительские происки [42, с. 2]. Граница между ошибками в работе, нарушением трудовой дисциплины и вредительством была размытой. Можно было выбрать, происходящее квалифицировать как соответствующий выгодный в данной ситуации вариант.

Анализ прессы показал, что общесоюзные политические процессы подавались на передовицах газет, затем в следующих номерах на вторых разворотах публиковались материалы следствия и допросов. Создавалась видимость полной открытости, прозрачности следствия и суда. Материалы публиковались в течение ряда номеров, пары-тройки недель, растолковывая читателю суть обвинений. Затем печатались отзывы с мест, с разных предприятий, от промышленных и сельских коллективов, осуждающие проходивших по процессу людей и требующие для них расстрела. Подача информации о них похожа на круги в воде, образующиеся после упавшего камня, расходясь по обществу информацией о врагах и заставляя верить в «правоту» обвинений.

Представляется показательной публикация по громкому сфабрикованному судебному процессу января 1937г. по «Параллельному антисоветскому троцкистскому центру». Это был второй из трех так называемых Московских процессов над главными сталинскими противниками. Обвинялись видные большевики и соратники В. И. Ленина: Ю. Пятаков, Г. Сокольников, К. Радек, Л. Серебряков, Н. Муралов, Я. Дробнис. В газетных статьях «подлые предатели и изменники», «троцкистские бандиты» якобы преследовали цель отступления к капитализму, раздела СССР, готовили и проводили диверсии, вредительство, террористические подрывы на производстве. С 23 января по середину февраля «Северо-Кавказский большевик» печатал сведения о процессе, проходивших допросах, свидетельских показаниях, последние признательные речи подсудимых [52; 58].

Обвинения шокируют. Государственных деятелей называют «самой неприкрытой фашистской контрреволюцией», агентурой фашизма. «Из месяца в месяц, группа вредителей и ди-

версантов, сидевших на боевых участках промышленности» подрыва химическую, угольную промышленности, транспорт и строительство, железнодорожные пути и подвижный состав. Обвиняемые каялись (поскольку все они признали обвинение) в подготовке террористических групп для покушений на советских высокопоставленных лиц, шпионаже на немецкую и японскую разведку [53; 54; 55; 56; 57]. Шквал обвинений нагнетали обстановку недоверия и подозрительности. Однако подавалась информация, якобы подтвержденная следствием, признанием, судом, ЦК партии и все это влияло на общественное мнение.

После 1956 г. тщательная проверка и опрос свидетелей показал грубейшие нарушения уголовно-процессуального законодательства. В 1988 г. повторная проверка подтвердила нарушение норм судопроизводства в этом и многих других делах. Большое количество нестыковок, противоречий в следственных показаниях доказали абсурдность обвинения. Так, Ю. Пятаков, названный В. Лениным в своем завещании самым выдающимся из молодых большевиков наряду с Н. Бухариным, оказался создателем террористических групп по всей стране от Москвы до Урала. Однако он не мог назвать, кто туда входил, не назвал заданий для них. Троцкий, в связях с которым его обвиняли и от поддержки кого он отрекся еще в 1929г., давно выражал полное недоверие к Ю. Пятакову за границей. Все обвиненные были реабилитированы в 1988г. [50; с. 210–235].

Тем не менее, было публичное признание ими вины на открытых процессах в присутствии иностранцев. К подсудимым применялись меры физического воздействия, это подтверждено. Однако публичные самообвинения – это один из главных дискуссионных вопросов [66, с. 23]. Публикация процессов и признаний в прессе преследовала цель, на наш взгляд, убедить общество в действительном наличии «вредительских вылазок двурушников». Внушить чувства страха перед желанием «преступников» вернуть прежний строй, расколоть и уничтожить СССР. Более того, стране грозит война. Второй по значимости темой в прессе выделяется фашистская угроза, а на скамье подсудимых – внутренние пособники войны: «замаскировавшиеся цепные псы фашизма» [27, с. 2].

Очевидно, что без признания обществом действительности невероятных обвинений, репрессивное давление не возымели бы своего действия. Усилению эффекта служил один из признанных приемов манипулирования общественным мнением в СМИ – работа с пись-

мами и откликами [45, с. 251]. Для большей убедительности после публикации процессов, публиковались заметки-осуждения, возмущения, даже злобы рабочих и служащих отраслей и предприятий, учителей, студентов, школьников именно из Северного Кавказа и Ставрополья. Они содержали признания справедливости обвинения, требовали «справедливого, жесточайшего» приговора. Прямо требовали «расстрела», «смертной казни» обвиняемым [59; 60]. Репрессивная политика государства на страницах прессы как бы подтверждалась одобрением этих коллективов.

Заметен переход от громких, пафосных, гипертрофированных обвинительных заявлений по процессам к детализации обвинения по каждому из проходивших обвиняемых к обвинительным заявлениям со стороны представителей общества. Чем дольше шел процесс и ближе было вынесение приговора, тем больше было подобных обвинительных заметок «обратной связи с мест» и более резко звучали требования жесткого наказания.

Так, по второму трагичному общесоюзному процессу 1937 г. об «Антисоветской троцкистской военной организации в Красной Армии» заметки с названием «Всенародное одобрение приговора» с первой страницы сообщала о многочисленных резолюциях одобрения приговора над подлыми изменниками Родины Тухачевским, Якиром, Уборевичем. Железнодорожники слали «горячий привет боевым чекистам, сумевшим разоблачить врагов народа» и требуют уничтожить предателей. Горожане Микоян-Шахара и весь народ Карачая единодушно приветствовал приговор над пособниками «озверелого фашизма». Горячее одобрение в справедливости суда сообщали митингующие Черкесии. Затем учителя Минераловодских школ требовали железной рукой диктатуры пролетариата уничтожить «фашистских собак». Рабочие пятигорской электростанции требовали до конца раскрыть гнездо «презренных торговцев Родины» [25, с. 2].

Шквал обвинений нарастает «Осуждающий голос великого Советского народа» (название заметки): работники Пятигорской швейной фабрики требуют уничтожить «лазутчиков кровавого фашизма». Работники краевого комитета по делам физкультуры и спорта призывали всех обнаруживать и отыскивать «Щупальца и змеиные жала фашистской гадины». Колхозники восхищались славными чекистами во главе с товарищем Ежовым, уничтожившими «шпионскую сволочь» в лице Тухачевского, Уборевича, Якира, Корка. Требования этих «возму-

щенных» звучат предельно ясно «Нет места на советской земле врагам народа! Не дадим им жить!» [25; 26].

Заметка с говорящим названием «Приговор верховного суда – приговор миллионов» была призвана уничтожить последние остатки сомнений в обществе. Она отражала резолюцию проведенного митинга сотрудников, отдыхающих Ессентукиских санаториев и Комиссии содействия ученым при СНК СССР. Они называют обвиняемых «гнусными японо-германо-троцкистскими лазутчиками» желающими свернуть власть пролетариата и уничтожить величайшее достижение «Октябрьской революции». Интеллектуалы пытаются отмежеваться от преступников, обещая повысить большевистскую бдительность, усилить оборонную работу, сплотить теснее ряды «партийных и непартийных большевиков вокруг ленинско-сталинского ЦК ВКП(б)» [27, с. 2].

У советского человека 1930-х гг. читающего газету, вероятно, были и сомнения в том, что соратники В. И. Ленина или маршалы СССР были врагами, жаждущими «закабалить рабочих и крестьян в ярмо помещиков и капиталистов» [29]. Однако после прочтения заметок-обвинений, повторяющих в различных вариациях из номера в номер, могло возникнуть сомнение в правильности собственной сомневающейся позиции. Подкрепляло это «пассивное согласие» и чувство страха. Стать тем самым препятствием на пути «победоносного движения вперед», которому якобы мешали вредители, повторить их судьбу вряд ли кто-то хотел. Общественное мнение медленно «отравлялось» угаром этих разгромных публикаций и, тем самым, создавало поддержку власти.

Пропагандистско-идеологический аппарат власти в лице СМИ подчинял своей власти духовный мир людей, что было необходимо для функционирования партийно-государственной системы и культа личности Сталина [4, с. 157]. Тематическая линия «беспощадно громить врагов» продолжалась в прессе восхвалением вождя, с которым связывали и достижения и карающую функцию правосудия. Делегат Всероссийского чрезвычайного съезда советов заявлял, «как беспредельно наш народ предан великому Сталину - источнику света, счастья и радости для трудящихся всего мира» [26, с. 1; 36]. На всех заводах и фабриках Чечено-Ингушетии призывали проявлять «горячее любовь к отцу нашему Сталину» [30].

Налицо сакрализация власти Сталина. На страницах периодики эта тема подтверждает религиозную по сути, смысловую нагрузку

советской идеологии с политическим совершенно не религиозным содержанием [3, с. 79]. Однако от религиозного в формирующемся сакральном культе Сталина сохранился механизм, формирующиеся образы: источника счастья, всеобщих благ, отца отечества. Характер и стиль насаждения, прославление Сталина также демонстрируют закрепление сакрализации власти в прессе 1937 г.

Отметим, что важным элементом подачи информации являлось уничижительно-презрительное отношение к обвиняемым с использованием соответствующих слов. «Проклятые выродки рода человеческого», «озверелые бандиты троцкистской шайки», «убийцы с большой дороги», и др. [20; 33; 52]. Пресса в целях формирования образа врага использовала самые простые и доступные методы. Источниковеды говорят, что массовые СМИ не преследуют цель предоставлять правдивую информацию. Подать ее под нужным углом зрения – вот главная задача [45, с. 249]. В 1930-е гг. общество было малограмотным. Уничижительные слова способствовали формированию образа классового врага, который был необходим для существования командно-административной системы. К. Ясперс заметил, что если вера не является основой жизненных устремлений остается отрицание неспособных оказать сопротивление представителей отдельных социальных групп, становящихся «козлами отпущения» [69, с. 148–149]. Атеизм уничтожил первое на государственном уровне, поэтому политическому режиму был необходим фантом классового врага.

В содержании региональных вредительских процессов наблюдаем схожие приемы изложения и формирования мифа о «классовом враге». Материалы о вскрытых делах «контрреволюционеров, троцкистов, преступников, аферистов-врагов» располагались на вторых-четвертых страницах, что показывает их меньшую значимость по сравнению с указанными выше процессами. Сюжетные линии и механизмы воздействия на массовое сознание дублируются. Отличаются сами процессы региональным масштабом, хозяйственным «вредительством» и массовостью. «Агенты иностранных разведок» в регионе тоже были «выявлены», но они «орудовали» на транспорте, в нефтяной, пищевой промышленности, цветной металлургии и многих других сферах [30; 59]. На страницах прессы представлена «вредительская» география всего Северного Кавказа и практически все отрасли промышленности, сельского хозяйства, образования,

культуры, судопроизводства. Репрессиям подвергались все социальные группы, но чаще инженерно-технические и руководящие партийные кадры. Давления на «умеренных», выступающих за взвешенные темпы дальнейшего индустриального развития, главная цель процессов и их муссирования на страницах прессы [68, с. 308].

Так, в апреле 1937 г. в Северной Осетии обнаружилось «троцкистско-фашистские шпионы» на Садонском комбинате и он не выполнил план по свинцу. Враг законсервировал строительство Ардонской гидроэлектростанции, стал причиной отставаний на «Электроцинке» [34; 60]. Жертвами репрессий стали руководители и инженеры Орджоникидзевского, Минераловодского, Ставропольского отделений железной дороги, треста «Грознефтезаводы», Карачаево-Черкесского отделения краевого автотреста [38; 39; 40; 41]. В Карачаевской автономной области «диверсанты-геологи» тщательно скрывали богатства недр, срывали исследования и скрывала документы, адекватно оценивающие промышленное залегание цинка, свинца, серебра в горах Карачая. «Шайка вредителей» из профессора горного дела и инженера-геолога сделали все, чтобы скрыть богатства недр, способствовали расхищению технического оборудования. Выявлению «врагов-диверсантов» поспособствовал инженер-комсомолец и доложил в обком ВКП (б). Судебные органы, как свидетельствует «Орджоникидзевская правда», посчитали, что два инженера не могли самостоятельно провести такое вредительство и к обвиняемым прибавили председателя Карачаевского облисполкома и начальников отраслей местной промышленности [25, с. 3].

Процессы над «вредителями» приводили к дезорганизации всех отраслей и общества. Ворошиловску, каковым был тогда г. Ставрополь посвящен первый лист газеты 3 июня 1937 г. Враги «орудовали» на мясокомбинате, в консервной промышленности, на железной дороге, в высшей школе, разрушали сельское хозяйство и колхозы [23, с. 1]. Большевиков города журналисты призывали «выкорчевать до основания вредительские корни», тем самым усилить подозрительность и репрессии.

Разоблачения множатся, пресса показывает размах вредительской истерии. Заметка «Враг в театре» обвиняла художественный совет, режиссера единственного театра Налчика за постановку «Композиции» по произведениям А. С. Пушкина, где поэт выступал «мистиком, марионеткой, скачущей по сцене» [22, с. 2].

Очевидно, что обвинения в плохой постановке были подменены поиском врага с позволения партийных органов. Подобное коснулось и органов суда. Заметка «Враги народа в судебных органах» сообщала о «вражеской» задержке с затягиванием разбирательства 164 дел. Адвокаты, прокурор, судьи Северной Осетии обвинялись в сокрытии улик, выгораживании казнокрадства, хищений, растрат [24, с. 2]. Представляется, что такие факты должны были квалифицироваться иначе чем «махровое вредительство враждебных партии людей».

Причиной происходящего стало общее снижение культурного уровня советской интеллектуальной элиты и всего общества. Нежеланию власти мириться с инакомыслием на фоне формирующейся командно административной системы и мобилизационного индустриального рывка, требующего напряжения всех сил и ресурсов. Средства массовой информации играли в этом процессе важнейшую роль. Манипулируя сознанием, создавая соответствующее общественное мнение пресса доступными и одобренными методами «лепила» образ вну-

тренного классового врага. Используя фактор страха и мифотворчество, прославляя Сталина, партию и «славный НКВД», выявивший вредителей, «Северо-Кавказский большевик» и «Орджоникидзевская правда» возводили интеллектуальные подпорки командно-административному режиму в региональной перспективе.

Архивы подтверждают подавляющее и подчиняющее влияние на общество репрессивной политики. Интеллигенция на собраниях «клеяла презрением лакеев вражеских разведок», каялись, что мало работали в профсоюзных, общественных организациях, в вузах со студентами, обещала «слаженную работу по единому образцу» [7, л. 5; 49, л. 6]. Обычными явлениями стали самобичевание, самообвинения, клятвы в верности ради сохранения свободы и жизни. Участники секции профсоюзов инженеров и техников Северного Кавказа не просто «клеяли позором жалких героев вредительских организаций», но и выступали с инициативой о награждении орденом Ленина чекистов, избавивших страну от врагов [8, л. 20].

Источники и литература

1. Алексеев И. И. Репрессии на Кубани и Северном Кавказе в 30-е гг. XX в. Краснодар: [б.и.], 1993. 114 с.
2. Альтман М. М. Из истории судебного процесса над инженерами-нефтяниками // Политические репрессии первой половины XX века в судьбах технической интеллигенции России. Самара: НТЦ, 2009. 340 с.
3. Аникин А. В. Элементы сакрального в русских революционных теориях (к истории формирования советской идеологии) // Отечественная история. 1995. №1. С. 78–92.
4. Барулин В. С. Российский человек в XX веке. Потери и обретения себя. СПб.: Алетей, 2000. 431 с.
5. Бердяев Н. И. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
6. Бордюков Г. А., Козлов В. А. История и конъюнктура. М.: Политиздат, 1992. 352 с.
7. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф.Р-2287. Оп. 1. Д. 2049.
8. ГАРО. Ф. Р-3707. Оп. 1. Д. 143.
9. Гордон Л. А., Клопов Э. В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30–40-е годы. М.: Политиздат, 1989. 319 с.
10. Гимпельсон Е. Г. НЭП и советская политическая система: 20-е годы. М.: ИРИ РАН, 2000. 439 с.
11. История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной конференции. М.: РОССПЭН, 2011. 790 с.
12. История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М.: РОССПЭН, 1997. 679 с.
13. Карташев А. В. Репрессии в Орджоникидзевском краевом совете Осавиохима в 1937 году // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. №2. С. 64–72.
14. Кислицын С. А. Шахтинское дело. (Начало сталинских репрессий против научно-технической интеллигенции в СССР). Ростов-на-Дону: Логос, 1993. 109 с.
15. Козлов В. А. Хлевнюк О. В. Начинается с человека. Человеческий фактор в социалистическом строительстве: итоги и уроки 30-х гг. М.: Политиздат, 1988. 252 с.
16. Конквист Р. Большой террор. Рига: Ракстниекс, 1991. 416 с.
17. Корнеева М. Д. Одухотворенная история края // Ставропольский хронограф на 2007 год: краеведческий сборник. Ставрополь: СКУНБ им. М.Ю. Лермонтова, 2008. 353 с.
18. Кропачев С. А. Большой террор на Кубани. Драматические страницы истории Краснодарского края 30–40-е гг. Краснодар: [б.и.], 1993. 118 с.
19. О газете «Ставропольская правда» URL: stavprvda.ru/newspaper/2002/07/05 (Дата обращения: 2.05.2018).
20. Орджоникидзевская правда. 1937. 12 мая. № 107.
21. Орджоникидзевская правда. 1937. 15 мая № 109.
22. Орджоникидзевская правда. 1937. 26 мая. № 118.
23. Орджоникидзевская правда. 1937. 3 июня №128.
24. Орджоникидзевская правда. 1937. 6 июня №131.
25. Орджоникидзевская правда. 1937. 11 июня №131.
26. Орджоникидзевская правда. 1937. 14 июня № 134.

27. Орджоникидзевская правда. 1937. 15 июня. № 135.
28. Орджоникидзевская правда. 1937. 29 июня. № 147.
29. Орджоникидзевская правда. 1937. 1 сентября. № 200.
30. Орджоникидзевская правда. 1937. 7 сентября. № 206.
31. Орджоникидзевская правда. 1937. 5 октября. № 228.
32. Орджоникидзевская правда. 1937. 9 октября. № 232.
33. Орджоникидзевская правда. 1937. 21 октября. № 241.
34. Орджоникидзевская правда. 1937. 4 ноября. № 254.
35. Орджоникидзевская правда. 1937. 18 ноября. № 265.
36. Орджоникидзевская правда. 1937. 20 ноября. № 268.
37. Орджоникидзевская правда. 1937. 20 ноября. № 268.
38. Орджоникидзевская правда. 1937. 14 декабря. № 287.
39. Орджоникидзевская правда. 1937. 21 декабря. № 293.
40. Орджоникидзевская правда. 1937. 23 декабря. № 295.
41. Орджоникидзевская правда. 1937. 29 декабря. № 300.
42. Орджоникидзевская правда. 1937. 31 декабря. № 302.
43. Осмыслить культ Сталина. М.: Прогресс, 1988. 656 с.
44. Павлова И. В. Сталинизм: становление механизма власти. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1993. 250 с.
45. Периодическая печать // Источниковедении новейшей истории России: теория, методология и практика / под общ. ред. А.К. Соколова. М.: РОССПЭН, 2006. 744 с.
46. Политические репрессии первой половины XX века в судьбах технической интеллигенции России. Самара: НТЦ, 2009. 340 с.
47. Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР 1953–2013: 60 лет без Сталина. Осмысление прошлого советского государства. Краснодар: Экоинвест, 2013. 420с.
48. Ракачев В. Н. Массовые политические репрессии 1930-х гг. и их влияние на численность и структуру народонаселения Кубани и Ставрополя // Общество и право. 2012. №3 (40). С. 55–61.
49. Российский Государственный архив экономики (РГАЭ), Ф.-4394, Оп. 1, Д. 41.
50. Реабилитация: политические процессы 30–50-х годов. М.: Политиздат, 1991. 461 с.
51. Роговин В. З. Партия расстрелянных. М.: Московская типография РАН, 1997. 528 с.
52. Северо-Кавказский большевик. 1937. 24 января. №19.
53. Северо-Кавказский большевик. 1937. 26 января. №20.
54. Северо-Кавказский большевик. 1937. 27 января. №21.
55. Северо-Кавказский большевик. 1937. 28 января. №22.
56. Северо-Кавказский большевик. 1937. 30 января. №24.
57. Северо-Кавказский большевик. 1937. 1 февраля. №25.
58. Северо-Кавказский большевик. 1937. 3 февраля. №27.
59. Северо-Кавказский большевик. 1937. 3 апреля. №51.
60. Северо-Кавказский большевик. 1937. 23 апреля. №68.
61. Стрекалова Е. Н. Репрессиях в отношении технической интеллигенции Северного Кавказа в конце 20-х–30-е гг. XX века // Политические репрессии первой половины XX века в судьбах технической интеллигенции России. Самара: НТЦ, 2009. 340 с.
62. Стрекалова Е. Н. Влияние эпоха «великого перелома» на повседневность интеллигенции Северного Кавказа в 1930-е гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. №2. С. 133–138.
63. Суровая драма народа. М.: Политиздат, 1989. 512 с.
64. Трукан Г. А. Путь к тоталитаризму. 1917–1929. М.: Наука, 1994. 166 с.
65. Фуко М. Археология знания. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2004. 416 с.
66. Хлевнюк О. В. 1937 г. Сталин, НКВД и советское общество. М.: Республика, 1992. 268 с.
67. Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизм политической власти в 30-е гг. М.: РОССПЭН, 1996. 304 с.
68. Шубин А. В. Вожди и заговорщики. М.: Вече, 2004. 400 с.
69. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
70. Halfin Igal. From Darkness to light: class, consciousness and salvation in Revolutionary Russia. Pittsburgh.: Pittsburgh Universiti Press, 2000. 474 p.

References

1. Alekseenko I. I. Repressii na Kubani i Severnom Kavkaze v 30-e gg. XX v. (*Repression in Kuban and North Caucasus in 30-ies of XX century*). Krasnodar, 1993. 114 p. (In Russian).
2. Al'tman M. M. Iz istorii sudebnogo processa nad inzhenerami-neftjanikami (*From the history of the trial of oil engineers*) // Politicheskie repressii pervoj poloviny HH veka v sud'bah tehniceskoy intelligencii Rossii. Samara: NTC, 2009. 340 p. (In Russian).
3. Anikin A. V. Jelementy sakral'nogo v russkikh revoljucionnyh teorijah (k istorii formirovanija sovetsoj ideologii) (*Elements of the sacred in the Russian revolutionary theories (the history of the formation of the Soviet ideology)*) // Otechestvennaja istorija. 1995. No. 1. P. 78–92. (In Russian).
4. Barulin V. S. Rossijskij chelovek v XX veke. Poteri i obretenija sebja (*Russian people in the twentieth century. Loss and finding yourself*). St.Petersburg: Aleteja, 2000. 431 p. (In Russian).
5. Berdjaev N. I. Istoki i smysl russkogo kommunizma (*The origins and meaning of Russian communism*). Moscow: Nauka, 1990. 224 p. (In Russian).

6. Bordjukov G. A., Kozlov V. A. *Istorija i kon#junktura (History and environment)*. Moscow: Politizdat, 1992. 352 p. (In Russian).
7. State archive of the Rostov region (GARO). F.R-2287. Inv. 1. D. 2049. (In Russian).
8. GARO. F. R-3707. Inv. 1. D. 143. (In Russian).
9. Gordon L. A., Klopov Je. V. *Chto jeto bylo? Razmyshlenija o predposylkah i itogah togo, chto sluchilos' s nami v 30–40-e gody (What was it? Reflections on the background and results of what happened to us in the 30–40s)*. Moscow: Politizdat, 1989. 319 p. (In Russian).
10. Gimpel'son E. G. *NJeP i sovetskaja politicheskaja sistema: 20-e gody (NEP and the Soviet political system: 20s)*. Moscow: IRI RAS publ., 2000. 439 p. (In Russian).
11. *Istorija stalinizma: itogi i problemy izuchenija. Materialy mezhdunarodnoj konferencii (History of Stalinism: results and problems of study. Materials of the international conference)*. Moscow: ROSSPJeN, 2011. 790 p. (In Russian).
12. *Istorija sovetskoj politicheskoy cenzury. Dokumenty i kommentarii (History of Soviet political censorship. Documents and comments)*. Moscow: ROSSPJeN, 1997. 679 p. (In Russian).
13. Kartashev A. V. *Repressii v Ordzhonikidzevskom kraevom sovete Osoaviahima v 1937 godu (Repression in Ordzhonikidze regional Council of Osoaviahima in 1937) // Gumanitarnye i juridicheskie issledovanija*. 2017. No. 2. P.64–72. (In Russian).
14. Kislicyn S. A. *Shahtinskoe delo. (Nachalo stalinskih repressij protiv nauchno-tehnicheskoy intelligencii v SSSR) (The beginning of Stalin's repressions against scientific and technical intelligentsia in the USSR)*. Rostov-on-Don: Logos, 1993. 109 p. (In Russian).
15. Kozlov V. A., Hlevnjuk O. V. *Nachinaetsja s cheloveka. Chelovecheskij faktor v socialisticheskom stroitel'stve: itogi i uroki 30-h gg. (Begins with a man. The human factor in socialist development: results and lessons of the 30s)*. Moscow: Politizdat, 1988. 252 p. (In Russian).
16. Konkvest R. *Bol'shoj terror (The great terror)*. Riga: Rakstnieks, 1991. 416 p. (In Russian).
17. Korneeva M. D. *Oduhotvorennaja istorija kraja (Inspired history of the region) // Stavropol'skij hronograf na 2007 god: kraevedcheskij sbornik. Stavropol': Library named after M.Ju. Lermontov, 2008. 353 p. (In Russian).*
18. Kropachev S. A. *Bol'shoj terror na Kubani. Dramaticheskie stranicy istorii Krasnodarskogo kraja 30–40-ye gg. (The Great terror in the Kuban. Dramatic pages of history of Krasnodar region 30–40s)*. Krasnodar, 1993. 118 p. (In Russian).
19. O gazete «Stavropol'skaja pravda» (*About the newspaper «Stavropol truth»*). URL: stavprvda.ru/newspaper/2002/07/05 (Accessed: 2.05.2018). (In Russian).
20. *Ordzhonikidzevskaja pravda*. 1937. № 107. (In Russian).
21. *Ordzhonikidzevskaja pravda*. 1937. № 109. (In Russian).
22. *Ordzhonikidzevskaja pravda*. 1937. № 118. (In Russian).
23. *Ordzhonikidzevskaja pravda*. 1937. №128. (In Russian).
24. *Ordzhonikidzevskaja pravda*. 1937. №131. (In Russian).
25. *Ordzhonikidzevskaja pravda*. 1937. №131. (In Russian).
26. *Ordzhonikidzevskaja pravda*. 1937. № 134. (In Russian).
27. *Ordzhonikidzevskaja pravda*. 1937. № 135. (In Russian).
28. *Ordzhonikidzevskaja pravda*. 1937. № 147. (In Russian).
29. *Ordzhonikidzevskaja pravda*. 1937. № 200. (In Russian).
30. *Ordzhonikidzevskaja pravda*. 1937. № 206. (In Russian).
31. *Ordzhonikidzevskaja pravda*. 1937. № 228. (In Russian).
32. *Ordzhonikidzevskaja pravda*. 1937. № 232. (In Russian).
33. *Ordzhonikidzevskaja pravda*. 1937. № 241. (In Russian).
34. *Ordzhonikidzevskaja pravda*. 1937. № 254. (In Russian).
35. *Ordzhonikidzevskaja pravda*. 1937. № 265. (In Russian).
36. *Ordzhonikidzevskaja pravda*. 1937. № 268. (In Russian).
37. *Ordzhonikidzevskaja pravda*. 1937. № 268. (In Russian).
38. *Ordzhonikidzevskaja pravda*. 1937. № 287. (In Russian).
39. *Ordzhonikidzevskaja pravda*. 1937. № 293. (In Russian).
40. *Ordzhonikidzevskaja pravda*. 1937. № 295. (In Russian).
41. *Ordzhonikidzevskaja pravda*. 1937. № 300. (In Russian).
42. *Ordzhonikidzevskaja pravda*. 1937. № 302. (In Russian).
43. *Osmyslit' kul't Stalina (To understand the cult of Stalin)*. Moscow: Progress, 1988. 656 p. (In Russian).
44. Pavlova I. V. *Stalinizm: stanovlenie mehanizma vlasti (Stalinism: formation of the mechanism of power)*. Novosibirsk: Sibirskij hronograf, 1993. 250 p. (In Russian).
45. *Periodicheskaja pečat' (Periodical press) // Istochnikovedenii novejshej istorii Rossii: teorija, metodologija i praktika / ed. by A.K. Sokolov. Moscow: ROSSPJeN, 2006. 744 p. (In Russian).*
46. *Politicheskie repressii pervoj poloviny HH veka v sud'bah tehničeskoy intelligencii Rossii (Political repression in the first half of the twentieth century in the fate of the technical intelligentsia of Russia)*. Samara: NTC, 2009. 340 p. (In Russian).
47. *Problemy istorii massovyh politicheskikh repressij v SSSR 1953–2013: 60 let bez Stalina. Osmyslenie proshlogo sovetskogo gosudarstva (Problems of history of mass political repressions in the USSR 1953–2013: 60 years without Stalin. Understanding the past of the Soviet state)*. Krasnodar: Jekoinvest, 2013. 420 p. (In Russian).
48. Rakachev V. N. *Massovyje politicheskie repressii 1930-h gg. i ih vlijanie na čislennost' i strukturu narodonaselenija Kubani i Stavropol'ja (Mass political repressions of the 1930s and their influence on the population size and structure of Kuban and Stavropol) // Obshhestvo i pravo*. 2012. №3 (40). P. 55–61. (In Russian).

49. Russian state archive of Economics (RGAE). F.-4394. Inv. 1. D. 41. (In Russian).
50. Reabilitacija: politicheskie processy 30–50-h godov (*Rehabilitation: political processes of the 30-50s.*). Moscow: Politizdat, 1991. 461 p. (In Russian).
51. Rogovin V. Z. Partija rasstreljannyh (*Rogovin Party shot*). Moscow: Moskovskaja tipografija RAS publ., 1997. 528 p. (In Russian).
52. Severo-Kavkazskij bol'shevik. 1937. №19. (In Russian).
53. Severo-Kavkazskij bol'shevik. 1937. №20. (In Russian).
54. Severo-Kavkazskij bol'shevik. 1937. №21. (In Russian).
55. Severo-Kavkazskij bol'shevik. 1937. №22. (In Russian).
56. Severo-Kavkazskij bol'shevik. 1937. №24. (In Russian).
57. Severo-Kavkazskij bol'shevik. 1937. №25. (In Russian).
58. Severo-Kavkazskij bol'shevik. 1937. №27. (In Russian).
59. Severo-Kavkazskij bol'shevik. 1937. №51. (In Russian).
60. Severo-Kavkazskij bol'shevik. 1937. №68. (In Russian).
61. Strekalova E. N. Repressijah v otnoshenii tehničeskoj intelligencii Severnogo Kavkaza v konce 20-h–30-e gg. XX veka (*The repression of the technical intelligentsia of the Northern Caucasus in the late 20-ies–30-ies of the twentieth century*) // Politicheskie repressii pervoj poloviny HH veka v sud'bah tehničeskoj intelligencii Rossii. Samara: NTC, 2009. 340 p. (In Russian).
62. Strekalova E. N. Vlijanie jepoha «velikogo pereloma» na povsednevnost' intelligencii Severnogo Kavkaza v 1930-e gg. (*The influence of the era of the «great break» in the daily life of the intelligentsia of the Northern Caucasus in the 1930s*) // Gumanitarnye i juridicheskie issledovanija. 2016. №2. P. 133–138. (In Russian).
63. Surovaja drama naroda (*The harsh drama of the people*). Moscow: Politizdat, 1989. 512 p. (In Russian).
64. Trukan G. A. Put' k totalitarizmu. 1917–1929 (*The way to totalitarianism. 1917–1929*). Moscow: Nauka, 1994. 166 p. (In Russian).
65. Fuko M. Arheologija znanija (*Archaeology of knowledge*). St. Petersburg: IC «Gumanitarnaja akademija», 2004. 416 p. (In Russian).
66. Hlevnjuk O. V. 1937 g. Stalin, NKVD i sovetskoe obshhestvo (*1937 Stalin, NKVD and Soviet society*). Moscow: Respublika, 1992. 268 p. (In Russian).
67. Hlevnjuk O. V. Politburo. Mehanizm političeskoj vlasti v 30-e gg. (*Politburo. The mechanism of political power in the 30s*). Moscow: ROSSPJEN, 1996. 304 p. (In Russian).
68. Shubin A. V. Vozhdi i zagovorshhiki (*Leaders and conspirators*). Moscow: Veche, 2004. 400 p. (In Russian).
69. Jaspers K. Smysl i naznachenie istorii (*Meaning and purpose of the story*). Moscow: Politizdat, 1991. 527 p. (In Russian).
70. Halfin Igal. From Darkness to light: slass, sonsconsciousness and salvation in Revolutionary Russia. Pittsburgh.: Pittsburgh Universiti Press, 2000. 474 p.